

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

УДК 930.2

DOI: 10.17223/19988613/46/17

С.В. Юферова

ПЕРВЫЙ ОПРОС ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ (СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ДЕПУТАТСКИХ НАКАЗОВ В УЛОЖЕННУЮ КОМИССИЮ ЕКАТЕРИНЫ II)

Рассматривается советская историография наказов населения в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. Автор ставится задача выявить характерные черты советской историографии депутатских наказов. Историография депутатских наказов характеризуется сочетанием общих для советской исторической науки (классовый подход к анализу источника, ограниченная преемственность по отношению к дореволюционной российской историографии) и специфических (внутренняя противоречивость) для рассматриваемой проблемы черт.

Ключевые слова: советская историография; депутатские указы; Уложенная комиссия; Екатерина II; характерные черты.

«Трудно составить Всероссийскую этнографическую выставку полнее Комиссии 1767 г.» [1. С. 92], – писал В.О. Ключевский. Однако, созывая в Москву представителей разных народов России, Екатерина II намеревалась познакомиться отнюдь не с национальным колоритом недавно обретенной империи. Она желала знать о нуждах подданных [2. С. 437]. Одним из источников этих знаний для императрицы и должны были стать привезенные депутатами указы.

Указы депутатам Уложенной комиссии стали источником и для историков. На разных этапах развития отечественной науки процесс изучения комплекса депутатских наказов, как и истории страны в целом, имел свои особенности. В настоящей работе ставится задача выявить характерные черты советской историографии корпуса депутатских наказов, выяснить причины складывания наиболее распространенных в науке точек зрения.

Неотъемлемым атрибутом советской исторической науки был классовый подход к анализу прошлого [3. С. 79; 4. С. 243]. Данный метод был привнесён в советскую науку теорией исторического материализма, во многом предопределив оформление сферы исследовательских интересов ученых. Впрочем, в определенной степени этому способствовало и развитие самой науки: к началу XX в. наметился переход от исследования проблем российской государственности к разработке вопросов истории общественной мысли и хозяйства страны [5. С. 88; 6. С. 314]. Катализатором этого процесса явилась революция. А после победы большевиков на научном фронте проблемы генезиса капитализма и классовой борьбы угнетенных масс оказались в центре внимания исследователей имперского периода истории нашей страны.

При этом советская историография депутатских наказов развивалась не с чистого листа. Наблюдения и

выводы предшественников принимались советскими учеными в тех случаях, когда они не противоречили положениям истмата о развитии общества. Уже сравнение общих оценок комплекса депутатских наказов позволяет убедиться в этом. Так, в полном согласии с российскими историками [7. С. 131–132; 8. С. 515, 521] Н.М. Дружинин писал, что и население в своих указах, и Уложенная комиссия пошли по пути «защиты и укрепления интересов отдельных сословий» [2. С. 442].

Однако различия методологии и предмета исследования обеих научных школ не могли не проявиться и при изучении депутатских наказов. И дело не только в том, что внимание советских ученых привлекали аспекты, прежде остававшиеся вне поля зрения исследователей. Важным отличием было само отношение к источнику. В советской историографии источник рассматривался как отражение не только субъективных взглядов автора, но и объективных процессов конкретной исторической эпохи [9. С. 21]. Поэтому и в общей характеристике корпуса депутатских наказов наряду с обобщениями, основанными на анализе текста документа и во многом переключившимися с наблюдениями дореволюционных авторов, закономерно наличие обобщений и другого рода. Например, В.И. Недосекин так определил классовую сущность депутатских наказов: «С одной стороны, они являются завещанием старого феодально-крепостнического порядка; с другой – представляют собой своеобразную программу нового формирующегося буржуазного класса, стремящегося к экономическому и политическому господству в Российском государстве» [10. С. 205].

То же можно увидеть и в решении других вопросов историографии депутатских наказов. Так, проблема целей выявления пожеланий населения советскими учеными могла решаться так же, как и российскими:

«депутаты <...> должны были <...> сказать о нуждах сословий» [11. С. 159]. Но наряду с привычным объяснением мотивов правительства появилось и новое. По мнению И.В. Побережникова, «центральной власти удалось в какой-то мере направить протест в легальное русло оформления нужд и требований в наказах в Уложенную комиссию 1767–1768 гг.» [12. С. 13].

Думается, приведенные примеры вполне наглядно иллюстрируют преемственность в развитии науки. Упомянем еще лишь о сходстве подхода к анализу источников: наказания рассматривались так же, как составлялись, – по сословиям.

«Материалы дворянских наказов, – на излете Перестройки писала В.М. Никонова, – развернули перед екатерининским правительством программу, в которой нашлось место и крупным реорганизаторским замыслам, и узкосословным дворянским интересам, и широкому спектру социально-экономических вопросов, и даже культурно-просветительским устремлениям» [13. С. 50]. Однако из всего отмеченного разнообразия внимание советских ученых по преимуществу привлекало довольно узкий круг проблем.

Разумеется, в первую очередь исследователи обращали внимание на отражение в источнике отношения душевладельцев к своей крещеной собственности. Советские исследователи, впрочем, как и либеральные российские, отмечали, что дворянское понимание крестьянского вопроса основывалось на признании незыблемости существовавших отношений [14. С. 94; 15. С. 31]. При этом различия в характеристике содержания источника были существенными. Если М.К. Любавский утверждал, что «большинство наказов ничего не говорит о крепостном праве» [7. С. 130], то М.Н. Гернет настаивал, что в дворянских наказах «самым же общим и беззастенчивым требованием было требование укрепления крепостного права» [16. С. 63].

Одной из отличительных черт советского анализа наказов благородного сословия было обнаружение претензий дворянства на господство даже в сферах (например, финансовой), прежде считавшихся вообще мало затронутыми в документах. Проанализировав материал наказов дворянства по финансовым вопросам, С.М. Троицкий пришел к выводу, что «в целом они выдвинули в Уложенную комиссию такие требования в области финансов, осуществление которых должно было расширить сословные права помещиков и уменьшить платежи крепостного населения их вотчин в пользу государства» [17. С. 106].

Незамечавшиеся прежде претензии были выявлены и в пожеланиях благородного сословия в сфере образования. М.Д. Курмачева считала, что «требование упрочения и развития сословного характера учебных заведений свидетельствовало о стремлении дворянства сохранить за собой господствующее положение и пользоваться своими феодальными привилегиями в период начавшегося разложения феодально-крепостнического строя» [18. С. 249]. Причем российские историки отме-

чали стремление и дворян, и горожан переложить решение школьного вопроса на плечи государства [19. С. 539; 20. С. 246].

Таким образом, какой бы аспект дворянских наказов ни рассматривался, советские исследователи указывали на присущее их авторам стремление упрочить и расширить феодальные привилегии. Лишь изредка исследователи обращали внимание на свойственную положению и предложениям дворянства двойственность. Например, В.В. Посконин отмечал: «В целом теоретическая позиция дворянства и его практическая программа – чрезвычайно противоречивы <...> отражают противоречивость экономического и политического положения дворян в условиях назревания кризиса феодального хозяйства» [21. С. 67].

Принципиально иными были наказания государственных крестьян. Во многих из них указывалось на частные проблемы отдельно взятой волости. Но были и регионы, например Сибирь, крестьянство которых, по мнению ученых, «довольно полно воспользовалось предоставленной ему возможностью» [12. С. 13]. Подтверждением данного вывода может служить наблюдение Г.Ф. Быкони о том, что наказания крестьян енисейской губернии, «в отличие от наказов многих других губерний, представляют собой конкретное описание нужд, жалобы и предложения трудового населения» [22. С. 23].

И все же при анализе крестьянских наказов советские историки акцентировали внимание не столько на вопросе способности основной массы населения скорректировать неудобства существовавшего законодательства, сколько на проблеме степени осознания эксплуатируемыми массами своих классовых интересов. Исходя из того, что «преобладающим отношением к государственным актам является критика», А.В. Камкин, словно забыв о требовании манифеста 14 декабря 1766 г., полагал: «Она дает основание для высокой оценки способности крестьян ориентироваться в окружающей социально-правовой среде» [23. С. 101]. По сути о той же способности писал и М.Т. Белявский, опровергая вывод В.И. Семевского о причине отсутствия жалоб на истязания в наказах приписных крестьян. Советский ученый объяснял этот факт наличием печального опыта у жалобщиков, как правило, подвергавшихся новому наказанию по обвинению в клевете [14. С. 138].

Антагонистический характер отношений народа и правительства подчеркивался и при общей характеристике крестьянских наказов. Так, Г.П. Макогоненко утверждал: «Впервые народные чаяния были изложены в наказах и речах крестьянских депутатов в Комиссию по составлению нового Уложения в 1767 г.» [24. С. 64]. А М.Т. Белявский настаивал на том, что крестьянские наказания «от первой до последней строки были проникнуты протестом против крепостничества и его проявлений, звучали как обвинение против всего крепостнического государства, его законодательства и его аппа-

рата» [14. С. 128]. Однако в той же работе М.Т. Белявского находим и уточнение степени выражения этого протеста: «Антикрепостнические, антидворянские <...> настроения звучали весьма робко и приглушенно в жалобах наказов на тяжелое положение крестьян» [Там же. С. 191]. Думается, трудно представить себе от первой до последней строки проникнутое робким протестом выступление. Наличию в одной работе противоречащих друг другу выводов существует вполне логичное объяснение. Являясь искренними сторонниками и пропагандистами истмата, советские историки все-таки нередко излагали и наблюдения, не вписывавшиеся в существовавший тогда канон.

Антифеодальный характер крестьянских наказов выявлялся в их буржуазных по сути предложениях: свободы землепользования, отхода, найма рабочих, свободы торговли и промыслов [25. С. 262]. Помимо того, существование антикрепостнического протеста доказывалось сходством предложений наказов со многими из положений самого радикального из манифестов Е.И. Пугачева [Там же. С. 265].

Вместе с тем советские историки иногда как будто вовсе не замечали ясно выраженного в наказах желания государственных крестьян обладать хотя бы частью дворянских прав [16. С. 63; 26. С. 397]. Но даже признание факта наличия притязаний на владение крепостными у всех сословий, представленных в Уложенной комиссии, не мешало подавляющему большинству советских ученых утверждать, что так называемый крестьянский вопрос был главной или центральной проблемой России того времени [27. С. 208; 28. С. 157]. Господство данного тезиса, на наш взгляд, обусловило фактически полное отсутствие в советской историографии аналитической разработки вопроса о претензиях непривилегированных сословий на право владения крепостными.

Таким образом, при изучении крестьянских наказов в центре внимания ученых оставались проблемы классовой борьбы и генезиса капитализма в России.

Характеристика наказов городов в историографии советского периода не столь монохромна. Причиной тому, на наш взгляд, была нерешенность вопроса о классовой природе нарождающейся буржуазии. В советской литературе доминировала точка зрения, что господствующим классом являлось дворянство [16. С. 121; 29. С. 10]. При этом иногда писалось об интересах «господствующих классов» [30. С. 399], очевидно, включая в их число и формирующуюся буржуазию.

На характер требований горожан накладывал отпечаток уровень социально-экономического развития страны. По мнению М.Т. Белявского, «господство крепостничества и крепостников в экономической и политической области, слабость капиталистического уклада, отсутствие буржуазии как класса, тесная связь купечества с системой крепостного хозяйства определили господство охранительной идеологии в наказах дворян и горожан» [14. С. 175].

И действительно, в наказах было ярко продемонстрировано стремление городского населения сохранить и преумножить имеющиеся привилегии. По этой части «верхом купеческих притязаний, – как отмечал Н.И. Павленко, – является наказ жителей Рязьска, которые предложили, чтобы всех <...> “жалованными грамотами снабдить и лучших заводчиков <...> шляхетство пожаловать <...> и уволить от всяких податей”» [31. С. 534].

Даже в этих притязаниях большинство советских ученых, как правило, видело отнюдь не проявление присущей феодализму системы ценностей. Обычно просьбы городского населения о привилегиях и льготах увязывались с его профессиональной деятельностью. А поскольку развитие промышленности и торговли ускоряло процесс разложения феодализма, все способствовавшие этому развитию меры оценивались как прогрессивные [18. С. 253; 32. С. 114]. Поэтому наказания горожан могли рассматриваться как программа или отражение интересов нарождающейся буржуазии [10. С. 205; 31. С. 534]. Причем, указывая на буржуазный характер предложений горожан, советские исследователи, как и дореволюционные российские, признавали и факт отсутствия в них стремления изменить существующий порядок [33. С. 218; 34. С. 480]. Считалось, что горожане лишь желали уменьшить давление наиболее тягостных его элементов. К их числу наказания, по мнению ученых обеих школ, относили фискальную политику правительства и деятельность городской администрации [8. С. 506; 10. С. 202–203].

Спасение от злоупотреблений городских властей горожане видели «в расширении компетенции городских Магистратов, чтобы городские дела решались не дворянством, а купцами, чтобы были созданы выборные городские суды» [29. С. 137]. Кроме того, «городская буржуазия пыталась добиться от правительства изменения системы налогообложения и освобождения от личных феодальных налогов и повинностей» [17. С. 107].

Таким образом, претензии к нормам закона и правоприменительной практике, выявленные советскими учеными при изучении наказов населения в Уложенную комиссию, во многом совпадали с наблюдениями предшественников, различной была их трактовка. Причина тому – методология истмата, в истории нового времени на первый план выдвинувшая изучение проблем классовой борьбы и генезиса капитализма. И депутатские наказания рассматривались именно с этой точки зрения, что позволило по-новому увидеть жалобы и предложения каждого из сословий. Эта новизна проявилась, в том числе, и в пристальном внимании советских ученых к социально-экономическому подтексту источника. Результатом такого подхода стало выявление сознательного антифеодального протеста крестьянства и узкосословного эгоизма в требованиях благородного сословия.

Впрочем, установка находить в предложениях дворянства исключительно стремление расширить привилегии господствующего класса, на наш взгляд, не соответствовала закону об определяющей роли базиса. Ведь наказания составлялись в переходную от феодализма к капитализму эпоху. Значит, согласно данному закону, они должны были отразить противоречия своего времени. Однако замечания о двойственности положения и требований дворянства встречаются в литературе нечасто, да и относятся главным образом ко временам Перестройки или ее кануна. Очевидно, установка на разоблачение эгоистической, антинародной позиции господствующего класса являлась приоритетной в советской историографии.

Противоречивым было и описание требований непривилегированных сословий. И дело даже не в преувеличении советскими исследователями степени народного протеста. Более важным было то, что в рамках дихотомии «прогрессивное – реакционное» не получалось внятно объяснить различия в оценке иден-

тичных требований в наказах разных сословий. На материалах наказов не получалось объяснить и причин выдвижения проблемы ликвидации крепостничества в ранг главных вопросов русской жизни.

Внутренние противоречия в трудах советских исследователей были неизбежным следствием зависимости науки от партийного контроля: интерпретация данных источника была скована идеологическими рамками. В этом случае научные изыскания ограничивались подведением источниковой базы под принятые руководством тезисы. Но нередко профессионализм и подвижничество историков, «сопротивление материала» и т.п. приводили к появлению на страницах работ выводов, не вполне соответствовавших имевшимся установкам, а то и вовсе оксюморонов. При этом достижением советских исследователей, несомненно, является переход от поиска типичного в наказах к контент-анализу их массива (дворянские наказания Центрального района, крестьянские – Вологодской губернии).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ключевский В.О. Курс русской истории // Ключевский В.О. Сочинения : в 9 т. М. : Мысль, 1989. Т. V. 478 с.
2. Дружинин Н.М. Просвещенный абсолютизм в России // Абсолютизм в России XVII–XVIII вв. / отв. ред. Н.М. Дружинин. М. : Наука, 1964. С. 428–459.
3. Маслов Н.Н. Марксистско-ленинские принципы исследования в исторической науке // Историческая наука: вопросы методологии / отв. ред. Л.С. Гапоненко. М. : Мысль, 1986. С. 72–82.
4. Могильницкий Б.Г. История исторической мысли как предмет историографического исследования // Проблемы истории общественной мысли и историографии. 75 лет академику М.В. Нечкиной / отв. ред. Л.В. Черепнин. М. : Наука, 1976. С. 233–241.
5. Бабич М.В. Государственные учреждения России XVIII в. М. : Эдиториал УРСС, 1999. 144 с.
6. Вернадский Г.В. Русская историография. М. : Аграф, 1998. 448 с.
7. Любавский М.К. История царствования Екатерины II. СПб. : Лань, 2001. 254 с.
8. Уланов В. «Наказ» и Комиссия о сочинении проекта нового Уложения // Три века: Россия от Смуты до нашего времени / под ред. В.В. Каллаша. М. : ГИС, 1992. С. 501–521.
9. Иванов Г.Н. Основные принципы марксистско-ленинской теории исторического источника // Источниковедение отечественной истории. 1979 / гл. ред. В.И. Буганов. М. : Наука, 1980. С. 5–22.
10. Недосекин В.И. Об изучении наказов в законодательную комиссию 1767 г. // Источниковедение отечественной истории. 1979. С. 192–205.
11. Буганов В.И. Очерки истории классовой борьбы в России XI–XVIII вв. М. : Просвещение, 1986. 240 с.
12. Побережников И.В. Массовые выступления крестьян Западной Сибири в XVIII веке. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1989. 176 с.
13. Никонова В.М. Контент-анализ при изучении дворянских наказов в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1991. № 2. С. 49–61.
14. Белявский М.Т. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е.И. Пугачева. Формирование антикрепостнической мысли. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1965. 382 с.
15. Лаппо-Данилевский А.С. Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1898. 65 с.
16. Гернет М.Н. История царской тюрьмы. М. : Госюриздат, 1960. Т. 1. 384 с.
17. Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М. : Наука, 1966. 275 с.
18. Курмачева М.Д. Проблемы образования в Уложенной комиссии 1767 г. // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. / отв. ред. Н.И. Павленко. М. : Наука, 1975. 345 с.
19. Кизеветтер А.А. Посадская община России XVIII столетия. М. : Унив. тип., 1903. 816 с.
20. Семевский В.И. Крестьяне в царствование Екатерины II. СПб. : Тип. Ф.С. Сушеского, 1881. Т. 1. ЛIII. 569 с.
21. Посконин В.В. Политико-правовое содержание Наказа Екатерины II // Актуальные вопросы истории политических и правовых учений / отв. ред. Э.Л. Розин. М. : ВЮЗИ, 1987. С. 66–78.
22. Быков Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края XVIII в. Новосибирск : Наука, 1981. 248 с.
23. Камкин А.В. Некоторые черты правосознания государственных крестьян в XVIII в. // Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России / отв. ред. В.Т. Пашуто. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1983. С. 96–102.
24. Макогоненко Г.П. Радищев и его время. М. : Госполитиздат, 1956. 774 с.
25. Индова Е.И., Тихонов Ю.А., Преображенский А.А. Антифеодалные требования крестьян. Лозунги, требования участников крестьянских войн в России XVII–XVIII вв. // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения / отв. ред. Л.В. Черепнин. М. : Наука, 1974. 447 с.
26. История СССР с древнейших времен до 1861 г. : учеб. ; 5-е изд., перераб. / под ред. П.П. Елифанова, В.В. Мавродина. М. : Просвещение, 1983. 576 с.
27. Степанов Н.Л. О просветительском реализме в русской литературе // Проблемы просвещения в мировой литературе / отв. ред. С.В. Тураев. М. : Наука, 1970. С. 203–215.
28. Эйдельман Н.Я. Из потаенной истории России XVIII–XIX веков. М. : Высш. шк., 1993. 490 с.
29. Грацианский П.С. Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII в. М. : Наука, 1984. 253 с.

30. Ляшенко П.И. История народного хозяйства СССР. М. : Госполитиздат, 1952. Т. 1. 656 с.
31. Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII века. Заводы и заводоуправления. М. : Изд-во АН СССР, 1962. 566 с.
32. Путь А.И. Левобережная Украина в составе Российского государства во второй половине XVIII века: некоторые вопросы социально-экономического и общественно-политического развития. Киев : Выща шк., 1988. 140 с.
33. Кизеветтер А.А. Происхождение городских депутатских наказов в екатерининскую Комиссию 1767 г. // Кизеветтер А.А. Исторические очерки. М. : Окто, 1912. С. 209–241.
34. Павлова-Сильванская М.П. Социальная сущность областной реформы Екатерины II // Абсолютизм в России. 1964. С. 460–491.

Yuferova Svetlana V. Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia). E-mail: kidarida@mail.ru

THE FIRST OPINION POLL (SOVIET HISTORIOGRAPHY OF DEPUTEES' mandates IN CATHERINE'S LEGISLATIVE COMMISSION).

Keywords: Soviet historiography; deputees' mandates; the Legislative Commission; Catherine II; special aspects.

This work raises the question of the Soviet historiography of deputy mandates in the Legislative Commission of Catherine II. The objectives of the study include analysis of the most held points of view in the Soviet historiography on the nature and content of the mandates, finding out the reasons for their appearance, ascertain of the special features of Soviet historiography of the mandates. The most valuable part of source base of this work consists of few studies tend to items directly on the development of the issues raised by the orders: such as the studies by V. Nikonova, A. Kamkin, V. Nedosekin, M. Kurmacheva, M. Belyavskiy. The other group (N. Pavlenko, N. Druzhinin, G. Bykonya, P. Gratsianskiy et al.) involves the works of researchers, who looked into various aspects of Russian history of the second half of the Eighteenth century. The next group includes the works of Soviet historians on historiography and source. Comparative analysis of the findings of the pre-revolutionary Russian and Soviet historians would be impossible without the use of the works of A. Kiesewetter, V. Ulanov, V. Semevskiy and others. Identified by Soviet scientists the claim of all estates to the norms of law and legal practice, largely coincided with the observations of the pre-revolutionary researchers. However, Soviet historians have paid attention not only to the demands of the mandates, but also on their class essence. In the study of "novyi" period of Russian history to the fore were the problems of the class struggle and the genesis of capitalism. And deputy mandates were considered from this point of view. The result of this approach was to identify a conscious anti-feudal protest of the peasantry and selfishness of requirements of Russian nobility. But the narrative of searching only desire to expand the privileges of the ruling class in the nobility offers, in our opinion, did not comply with the law on the basis of the determining role, because mandates drawn up in the transition from feudalism to capitalism and had to reflect the contradictions for that time. Obviously, setting to disclose of anti-national nature of requirements of the ruling class was a priority in Soviet historiography. But the dichotomy of "progressive reactionary" did not allow to clearly explain the differences in the assessment of identical requirements in mandates of different estates. Mandates were not allowed to explain the reasons for the enunciation of the peasant question in the rank of the main issues of Russian life. Thus, the internal inconsistency in the works of Soviet scientists was inevitable.

REFERENCES

1. Klyuchevskiy, V.O. (1989) *Sochineniya: v 9 t.* [Works. In 9 vols]. Vol. 5. Moscow: Mysl'.
2. Druzhinin, N.M. (1964) *Prosveshchenny absolutizm v Rossii* [Enlightened absolutism in Russia]. In: Druzhinin, N.M. (ed.) *Absolyutizm v Rossii XVII–XVIII vv.* [Absolutism in Russia of the 17th – 18th centuries]. Moscow: Nauka.
3. Maslov, N.N. (1986) *Marksistsko-leninskie printsipy issledovaniya v istoricheskoy nauke* [Marxist-Leninist principles of research in historical science]. In: Gaponenko, L.S. (ed.) *Istoricheskaya nauka: voprosy metodologii* [Historical Science: Issues of methodology]. Moscow: Mysl'.
4. Mogilnitskiy, B.G. (1976) *Istoriya istoricheskoy mysli kak predmet istoriograficheskogo issledovaniya* [The history of historical thought as a subject of historiographic research]. In: Cherepnin, L.V. (ed.) *Problemy istorii obshchestvennoy mysli i istoriografii. 75 let akademiku M.V. Nechkinoy* [Problems of the history of social thought and historiography. 75 years to Academician M.V. Nechkin]. Moscow: Nauka. pp. 233–241.
5. Babich, M.V. (1999) *Gosudarstvennye uchrezhdeniya Rossii XVIII v.* [State institutions of Russia in the 18th century]. Moscow: Editorial URSS.
6. Vernadskiy, G.V. (1998) *Russkaya istoriografiya* [Russian historiography]. Moscow: Agraf.
7. Lyubavskiy, M.K. (2001) *Istoriya tsarstvovaniya Ekateriny II* [The history of the reign of Catherine II]. St. Petersburg: Lan'.
8. Ulanov, V. (1992) "Nakaz" i Komissiya o sochinenii proekta novogo Ulozheniya ["Nakaz" and the Commission on the drafting of a new code]. In: Kallash, V.V. (ed.) *Tri veka: Rossiya ot Smuty do nashego vremeni* [Three centuries: Russia from the Troubles to our time]. Moscow: GIS. pp. 501–521.
9. Ivanov, G.N. (1980) *Osnovnye printsipy marksistsko-leninskoy teorii istoricheskogo istochnika* [Basic principles of the Marxist-Leninist theory of the historical source]. In: Buganov, V.I. (ed.) *Istochnikovedenie otechestvennoy istorii* [The Source Studies of Russian History]. Moscow: Nauka. pp. 5–22.
10. Nedosekin, V.I. (1979) *Ob izuchenii nakazov v zakonodatel'nyuyu komissiyu 1767 g.* [On the study of orders to the legislative commission in 1767]. In: Buganov, V.I. (ed.) *Istochnikovedenie otechestvennoy istorii* [The Source Studies of Russian History]. Moscow: Nauka. pp. 192–205.
11. Buganov, V.I. (1986) *Ocherki istorii klassovoy bor'by v Rossii XI–XVIII vv.* [Essays on the history of the class struggle in Russia of the 11th – 18th centuries]. Moscow: Prosveshchenie.
12. Poberezhnikov, I.V. (1989) *Massovye vystupleniya krest'yan Zapadnoy Sibiri v XVIII veke* [Mass actions of peasants in Western Siberia in the 18th century]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
13. Nikonova, V.M. (1991) *Kontent-analiz pri izuchenii dvoryanskikh nakazov v Ulozhennuyu komissiyu 1767–1768 gg.* [Content-analysis in the study of noblemen's orders in the Settlement Commission of 1767–1768]. *Vestnik MGU. Seriya 8. Istoriya.* 2. pp. 49–61.
14. Belyavskiy, M.T. (1965) *Krest'yanskiy vopros v Rossii nakanune vosstaniya E.I. Pugacheva. Formirovaniye antikrepostnicheskoy mysli* [The peasant question in Russia on the eve of the uprising of E.I. Pugacheva. Formation of anti-serf thoughts]. Moscow: Moscow State University.
15. Lappo-Danilevskiy, A.S. (1898) *Ocherk vnutrenney politiki imperatritsy Ekateriny II* [Essay on the Russian policy of Empress Catherine II]. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.
16. Gernet, M.N. (1960) *Istoriya tsarskoy tyur'my* [The history of the Tsar prison]. Vol. 1. Moscow: Gosyurizdat.
17. Troitskiy, S.M. (1966) *Finansovaya politika russkogo absolutizma v XVIII veke* [The financial policy of Russian absolutism in the 18th century]. Moscow: Nauka.
18. Kurmacheva, M.D. (1975) *Problemy obrazovaniya v Ulozhennoy komissii 1767 g.* [The problems of education in the Lawmaking Committee in 1767]. In: Pavlenko, N.I. (ed.) *Dvoryanstvo i krepostnoy stroy Rossii XVI–XVIII vv.* [Nobility and the serfdom of Russia in the 16th – 18th centuries]. Moscow: Nauka.
19. Kizevetter, A.A. (1903) *Posadskaya obshchina Rossii XVIII stoletiya* [The Posad community of Russia of the 18th century]. Moscow: University tip.
20. Semevskiy, V.I. (1881) *Krest'yane v tsarstvovanie Ekateriny II* [Peasants in the reign of Catherine II]. Vol. 1. St. Petersburg: F.S. Sushchevsky.

21. Poskonin, V.V. (1987) Politiko-pravovoe sodержanie Nakaza Ekateriny II [Politico-legal content of the Catherine II's Nakaz]. In: Rozin, E.L. (1987) *Aktual'nye voprosy istorii politicheskikh i pravovykh ucheniy* [Topical questions of the history of political and legal doctrines]. Moscow: VYuZL. pp. 66–78.
22. Bykonya, G.F. (1981) *Zaselenie russkimi Prieniseyskogo kraya XVIII v.* [Population of the Russian Enisei in the 18th century]. Novosibirsk: Nauka.
23. Kamkin, A.V. (1983) Nekotorye cherty pravosoznaniya gosudarstvennykh krest'yan v XVIII v. [Some features of the legal conscience of state peasants in the 18th century]. In: Pashuto, V.T. (ed.) *Sotsial'no politicheskoe i pravovoe polozhenie krest'yanstva v dorevolutsionnoy Rossii* [Social, political and legal status of the peasantry in pre-revolutionary Russia]. Voronezh: Voronezh State University. pp. 96–102.
24. Makogonenko, G.P. (1956) *Radishchev i ego vremena* [Radishchev and his time]. Moscow: Gospolitizdat.
25. Indova, E.I., Tikhonov, Yu.A. & Preobrazhenskiy, A.A. (1974) Antifeodalnye trebovaniya krest'yan. Lozungy, trebovaniya uchastnikov krest'yan-skikh voyn v Rossii XVII XVIII vv. [Anti-feudal demands of the peasants. Slogans, demands of participants in peasant wars in Russia in the 17th – 18th centuries]. In: Cherepnin, L.V. (ed.) *Krest'yanskie voyny v Rossii XVII XVIII vekov: problemy, poiski, resheniya* [Peasant wars in Russia in the 17th – 18th centuries: Problems, searches, decisions]. Moscow: Nauka.
26. Epifanov, P.P. & Mavrodin, V.V. (eds) (1983) *Istoriya SSSR s drevneyshikh vremen do 1861 g.* [History of the USSR from ancient times until 1861]. 5th ed. Moscow: Prosveshchenie.
27. Stepanov, N.L. (1970) O prosvetitel'skom realizme v russkoy literature [On Enlightenment Realism in Russian literature]. In: Turaev, S.V. (ed.) *Problemy prosveshcheniya v mirovoy literature* [Problems of Enlightenment in the world literature]. Moscow: Nauka. pp. 203–215.
28. Eydelman, N.Ya. (1993) *Iz potaennoy istorii Rossii XVIII–XIX vekov* [From the secret history of Russia in the 18th – 19th centuries]. Moscow: Vyssh. shk.
29. Gratsianskiy, P.S. (1984) *Politicheskaya i pravovaya mysl' Rossii vtoroy poloviny XVIII v.* [Political and legal thought of Russia in the second half of the 18th century]. Moscow: Nauka.
30. Lyashchenko, P.I. (1952) *Istoriya narodnogo khozyaystva SSSR* [History of the USSR national economy]. Vol. 1. Moscow: Gospolitizdat.
31. Pavlenko, N.I. (1962) *Istoriya metallurgii v Rossii XVIII veka. Zavody i zavodovladel'tsy* [History of metallurgy in Russia in the 18th century. Factories and factory owners]. Moscow: USSR Academy of Sciences.
32. Putro, A.I. (1988) *Levoberezhnaya Ukraina v sostave rossiyskogo gosudarstva vo vtoroy polovine XVIII veka: nekotorye voprosy sotsial'no-ekonomicheskogo i obshchestvenno-politicheskogo razvitiya* [The left-bank Ukraine as part of the Russian state in the second half of the 18th century: Some issues of socio-economic and socio-political development]. Kyiv: Vyscha shk.
33. Kizeveter, A.A. (1912) *Istoricheskie ocherki* [Historical essays]. Moscow: Okto, 1912. pp. 209–241.
34. Pavlova-Silvanskaya, M.P. (1964) Sotsial'naya sushchnost' oblastnoy reformy Ekateriny II [The social essence of the regional reform of Catherine II]. In: Druzhinin, N.M. (ed.) *Absolyutizm v Rossii XVII–XVIII vv.* [Absolutism in Russia of the 17th – 18th centuries]. Moscow: Nauka. 460–491.